

СКАЗ О ТОМ, КАК
ИНВАЛИД В АПТЕКУ ХОДИЛ

ДМИТРИЙ СЕНЧАКОВ

МОСКВА
7531

Дмитрий Сенчаков Сказ о том, как инвалид в аптеку ходил

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70206859

SelfPub; 2024

Аннотация

Обыкновенная история о том, как инвалид в аптеку ходил, которая могла произойти в любом городе, буквально рядом с вами, и вы ничего не заметили.

Дмитрий Сенчаков

Сказ о том, как

ИНВАЛИД В АПТЕКУ ХОДИЛ

То ли тридцать первое ноября, то ли первое декабря. А может наоборот. Фиг запомнишь, когда случается тридцать первое, а когда нет. Все дни, да что там дни – все месяцы, нет, все годы одинаковые, словно твои ржавые гвозди в сарае.

Радим Силантьевич закутался в шарф и протырился со своими костылями на застеклённый балкон малогабаритной однокомнатной квартиры на пятом этаже монумента промышленному домостроению. Упёрся круглым морщинистым лбом в хлад тут же запотевшего стекла и уставился внутрь себя, так как забыл на тумбочке очки для дали, а возвращаться за ними значило больше сюда уже не вернуться.

А там, куда предназначалось взирать с балкона сквозь толстые линзы, распустилась серень: мирское утратило краски, посерело, посерьезнело. Скукожился до минус трёх спиртовой градусник за невытым окном. Остекленели лужи. Офонарели столбы, присели, надломленные ветрами, в нарочитых книксенах: уменьшить освящаемый пяточок, зато придать тому удвоенную яркость.

Не увидел Радим Силантьевич и того, как на станцию Пу-
тяйск-Маркировочный прибыл тяжёлый состав с жидким се-

роводородом: сто одиннадцать жёлтых неумытых цистерн. Тепловоз, что затащил их на заросший пожухлой, побитой морозом травой, запасной путь, замер у тупика и испустил дух. Потянулся машинист рукой к путевой сумке, нашарил увеселительного и подцепил клыкком акцизную марку, что залепляла собой доступ к сосуду.

Состав не поместился целиком на километровой ветке. Кишка из жёлтых колбасок изломалась изгибом стрелок и встряла на первом главном пути. Замыкающий тепловоз-толкач напрасно лупил в морозную просинь головным прожектором – зелёный свет против шерсти ему не дадут никогда.

Не приметить Радиму Силантьевичу и горбуна Никодима, учётчика с товарной станции, несущегося бегом по насыпи второго главного пути к хвосту сероводородовоза, так как связь с замыкающим тепловозом не отлажена, и рация только плевалась помехами в волосатое давно нечищенное ухо.

По-над железной дорогой глубоко лизнул податливую сушу накатистый залив Серого моря. Летом – серо-стального, зимой – того же цвета, но с кобальтовыми тенями от всклокоченных льдов. Радим Силантьевич не мог его разглядеть, но помнил о нём и с тревогой вслушивался в стекло, как в датчик-резонатор, не затевается ли на море буря?

Когда-то давным давно в заливе водилась съедобная рыба. Артели и отдельные отцы семейств добывали пропитание для жителей города и для реализации в заготконторе По-

требсоюза. Рыба-ела и рыба-пила. Цвела рябина и черёмуха. Нынче времена иные: ловить некого – воды отравлены, а на берегу если и попадётся тушка, то исключительно рыба-гнила. Иной не встретишь. Рябины покрылись паршой, черёмуха почернела навсегда.

Между тучами и заливом клубился в мареве собственных огней губернский град Северобакланск. Дорога туда, построенная вокруг залива высокоразвитой цивилизацией в прошлом веке, давно разбилась насмерть и заросла борщевиком. В Северобакланске Радим Силантьевич ни разу не был. Но иногда, глядя с берега через торосы чёрного льда на эти далёкие подпрыгивающие огни, был благодарен тому, что тот есть.

– Ну и как там погодка? – встретила Радима Силантьевича на кухне Ада Бестемьяновна. Старушка и вовсе была практически слепа. С двумя катарактами она ориентировалась лишь между газовой плитой с чайником и облучком у колченогого столика. Радим Силантьевич называл свою супругу А. Б. и до слёз её любил.

– Подходящая.

– Ну а что ещё в мире происходит?

– Как и всегда: солнышко то выкатится, то закатится.

– Пойдёшь?

– Пойду.

– Помнишь, как таблетки называются?

– Канефрон.

– Возьми в шкатулке пятьсот рублей. Должны были остаться.

– Угу!

– И замотайся получше. Не ровен час, простудишься: почки вылечишь, а лёгкие не сбережёшь!

– Укутаюсь, дело нехитрое.

Радим Силантьевич кое-как повязал крючковатыми пальцами шнурки, накинул бушлат, намотал шарф и напялил траченную молью ондатровую шапку. Отомкнул дверь и опёрся на костыли. Обернулся с порога, хотел приободрить старушку А. Б., да запнулся.

Этажом ниже встретилаь ему Параскева Андреевна Снегурченко, женщина положительная. Мать двух мальчуганов и по совместительству учительница младших классов. Поставила сумки на ступеньки, всплеснула руками, вцепилась в локоть старика и помогла тому спуститься по бесщётным лестничным пролётам.

– Как же вы, Радим Силантьевич? Один да в такую погоду? Давайте провожу вас.

– Благодарю вам, негоже дважды матери отвлекаться на старика. У вас своих забот – огород. А уж я до аптеки как-нибудь дойду.

– Не пойму вас, Радим Силантьевич, что-то вы бодритесь. А сами весь жёлтый.

– Ничего... Нам пенсия строить и жить помогает.

– Ну, смотрите мне, Радим Силантьевич, вечером прове-

рю, что домой вернулись жив и невредим.

– Ловлю на слове.

Ударил наотмашь по носу старика морозный воньздух. Захлопнулась бывалая дверь подъезда. Поправил на переносице очки для дали Радим Силантьевич и принялся гипнотизировать заиндевевшие ступеньки. Путь предстоял неблизкий: двести двадцать два уверенных устойчивых шага на костылях. И если в ногах своих старик был на все сто уверен, что не подведут, то какой спрос с этих бездушных деревяшек на резиновых подпятниках? И вовсе не грохнуться было страшно. Страшно было не суметь встать.

Бездомный бобик дворовой породы по кличке Рыжелье принялся увиваться за стариком. Путался под ногами, ловко отскакивал от выпрастываемых деревяшек. Радим Силантьевич не раздражался, бобика любил, душу его живую ценил подле себя. Случись неприятность, бобик позовёт помощь.

Впрягся в тяжёлую аптечную дверь Радим Силантьевич. Вчёрный Рыжелье остался вилять хвостом на морозе.

В аптеке зябко и пусто. Подвывает ветер сквозь щель в неплотно прикрытой двери. Звякнул Радим Силантьевич у хромированный звоночек у кассы. Выглянула фармацевтша. Не привычная опытная Марфа Романовна, а девчонка молодая, неизвестная никому. Кивнул ей Радим Силантьевич. Прислонил костыли к прилавку, размял пальцы.

– Вам чего? – пыхнула глазами девчонка.

– Канефрон.

Клацнула по клавиатуре.

– Есть такой!

Молча протянул Радим Силантьевич мятые пятьсот рублей.

– Упс! Канефрон стоит шестьсот пятьдесят.

Осёкся Радим Силантьевич, посмотрел на бесполезную пятихатку в скрюченных пальцах.

– Недешёвый он. Немецкий! Ща я аналоги гляну отечественные.

Радим Силантьевич с надеждой уставился на девчонкин пробор.

– Вот. Нашла! Нефростен.

У старика отлегло от сердца. Пятихатка легла на прилавок.

– Блин, а он пятьсот тридцать... – расстроилась за Радима Силантьевича девчонка.

Раз уж за него кто-то расстроился, Радим Силантьевич решил молча сглотнуть и засобирился восвояси.

– Вы поройтесь в карманах на всякий случай, – умоляет девчонка. – Может мелочь какая есть?

Радим Силантьевич поджал губу.

– Это для вас, душечка, мелочь. А у нас с Адой Бестемьяновой каждая копейка на особом счету.

Посреди серой улицы заигрывал с бобиком Рыжелье удалец Птеря Евстигнеич Авокадииков – ловелас, балагур, люби-

мец района. За свои сорок с хвостиком лет жизни он в чём-то помог каждому земляку. А иным и не по одному разу.

Узрел Птерька знакомые костылики, что выпростались из-за тугой аптечной двери и тут как тут. Натянул дверную пружину, растопырил проём насквозь. Суетится. Вцепился в локоть бушлата и выпроваживает старика на распоясавшийся ветерок. Рыжелье не отстаёт.

– Классно выглядите, Радим Силантич! Ужель таблетку какую от старости раскопали?

– Да полно врать-то, Птерька. Давно известно, единственная таблетка от старости: цианистый калий. Она же – от любой болезни.

– Побойтесь бога, Радим Силантич! Где ваша фирменная щепетильность? Я вон и половиной ваших талантов не обладаю, а оптимизма мне не занимать!

– Так негасимый источник у оптимизма твоего.

– Согласен, негасимый. Да только питать его надо. И не абы как. А водою дезинфицирующей. Слезою без примесей.

– Это неважно тут, – отвёл глаза сконфузившийся от таких слов Радим Силантьевич. – Всё равно, куда мне за тобой на костылях-то?

– А чё там, подумаешь костыли? Иные вон вообще с кровати не встают, через трубочку дышат, и ничего – живут ведь! Радоваться, старик, надо, что мир вертится вокруг тебя, что воздух этот носом втягиваешь! Вон и бобик с тобой дружит, для него – ты персона! Не иначе. Бобик, он хоть че-

ловек и простой, но ведь тоже. От природы нет плохой породы! А что до меня, я с бобиком во всём согласный: Радим Силантич наш – редкой души человек. Человечище! С буквы огромной. Не всем доступной. Мало кто осознаёт. Но мы то люди свои. Даже свойские. Ты вот что, Радим Силантич, – переходит Птерья Авокадиков на шепот заговорщицкий, – давай-ка мы с тобой за дружбу нашу накатим горячительного.

Напрягся старик. Не велит А. Б. пьянствовать. Да и обещал ей. Правда, давно. Может уже и сдулось обещание, скукожилось как воздушный шарик, переживший бурный день чужого рождения.

– Найдётся ли у тебя, Радим Силантич, банкнота подходящая... Достоянная нашей дружбы многолетней?

А что, если данное А. Б. слово уже и необязательным стало за давностью лет? Ведь водки-то хочется. А ещё больше желается Радиму Силантичу душевной приятельской близости. Особенно после такого эпичного проигрыша в аптеке. Нестерпимо тянет Радима Силантьевича поднастроить душу в унисон. Да хоть и с Птерькой, прохвостом этим Авокадиковым, а что – тоже агнец божий, да ещё и поискреннее иных будет.

Не дождался внятного ответа Птерька. Но аккуратно подвёл инвалида за локоток к стекляшке, в мутных витринах которой тонули чаяния и молчаливые крики мятежных душ, заплутавших в бытовых перипетиях. Сгинули утренние благие намерения, нет их, испарились. Паинька остался стоять

на тротуарчике. Эфемерный, прозраченький такой ручки на груди скрестил, и зрит с укоризной на распоясавшегося двойника своего Радима Силантьевича во плоти, счастливо-го обладателя воды огненной. Ну и огурчиков к ней. Солёных. Не только для закуси, но и для особого воспарения души над поверженным телом. Ну и шариков каких-то там собачьих для Рыжелье. Сам Радим Силантьевич в том не понимает ни шиша, их Птерька на свой вкус выбирал. Снайперски в полтыщи уложились. Кучненько, словно Роспотребкорзина из того и состоит.

Отхлебнул Птеря Авокадигов первым.

– Эх, хороша! А я наемни мимо премии пролетел, как планер над Коктэйблем. Мечусь теперь, словно фанера без паруса, с утра маковой росинки во рту не побывало. Язык онемел, окаменел, аж рёбра сводит! Кулак к роже прохожей так и тянется реверансы раздать. Негоже так жить.

Передал Птеря сосуд Радиму Силантьевичу. Что ж делать-то теперь? Ну и приложился старик к заветной бутылке. Сглотнул. Молчит. Совесть свою слушает: проснётся та или нет? Даже на огурцы не смотрит. Один Рыжелье за троих чавкает. Хрустит коричневыми шариками. Ух, как они приглянулись бродяге!

– Эх, пивка бы теперь! Жаль, что у тебя, Силантич, больше денег нет! Сам-то чего посмурнел? Вкусная ж водка! Зарозоветься должен, заразудалиться. А ты сидишь поникший, ошипанный, как веник после бани.

– Таблетки я так и не купил... – признался Радим Силантьевич.

– От старости? – ржёт Птерёк.

– От почек, – устало отозвался старик и опустил глаза. – Немецкие, понятно, дорогушие. Но ведь и отечественные дороже пятисот рублей оказались, мать их!

– Почки – дело сурьёзное... – заелозили Птерькины извилины, зашевелились, быстро смекнул, как помочь хорошему человеку. – Да ща в момент решим твои проблемы. Делов-то! А заодно и пивка возьмём.

– Правда? – не поверил Радим Силантьевич. – Ну, ежели ты сможешь мне, я помогу тебе.

Подмигнул Птерья Авокадииков старику: мол, ловлю на слове.

– Короче, пошли в банк. Кредитнём тебя, да и дело в шляпе.

– Как это «кредитнём»? Зачем мне кредит, ежели потом нечем отдавать будет?

– Как это нечем? Тебе ж государство исправно пенсию платит? Вот с неё и погасишь...

– Так ведь кроме пенсии у меня никаких денег-то и нет.

– Так у тебя их и с пенсии нет! Вон – пятьсот рублей были и что? Не то, что на жизнь достойную, даже на элементарные отечественные таблетки не хватило. А ты пойд и надуй их всех! Наколи и объегорь! И собес с пенсионным фондом, и банкиров с министром социального шухера. Возьми кре-

дит и живи сейчас. Уловил? Пусть дельцы денюшку потом из твоей пенсии выщипывают, а то помрёшь и денег, что тебе по старости причитаются, так и не увидишь.

Почесал репу под ондатровой шапкой Радим Силантьевич. Складно Птеря излагает.

– Ну, старик, не тушуйся. Ощути чувство реальности и прояви чувство разумности!

Ему бы с А. Б. посоветоваться. Но Авокадиков и тут уловил, к чему склонилась стариковская мысль.

– Ты только Бестияновну свою не приплетай. Твоя жизнь – твои правила! Впрочем, мы и о ней позаботимся. Деликатесу принесёшь даме сердца и бутылёк винца сухого. Порадуешь старушку. Тоже, поди, заслужила сладкую жизнь на старости лет.

Кивнул Радим Силантьевич. Неуверенно так кивнул, но Птерин пыл отныне не охладить никаким рефрижератором.

– У тебя паспорт с собой?

Конечно, паспорт у Радима Силантьевича с собой. Не дай бог ему окочуриться на улице. А потом лежать неопознанным в морге с биркой на большом пальце, пока А. Б. будет беспомощно убиваться об нём.

– Так, а что ж ты сам, мил человек, кредит не возьмёшь?

– Не-е, сам я не могу. Я не дружу с кредитной историей. А она – дама сурьёзная. Ежели дружбы с ней не вышло, пролетаешь, старик, мимо кредитов, как фланец над Коктеблём.

Завернули в банк. Улыбнулась им девица молочная с ко-

сой русой. В белой накрахмаленной сорочке с погончиками и с кулончиком, привлекавшим к декольте.

– Меня зовут Надежда. Банк «Русский Стандарт».

Уставился Авокадиков на её русский стандарт. Глаз не оторвать: пятый номер! Выпяченный вперёд, как на горельефах на ВДНХ, куда его, прыщавого ещё подростка, однажды возила в каникулы мамаша. И они, объёмные горельефы эти, запомнились юному Птере куда больше, чем рубиновые звёзды на кремлёвских башнях и стереофильм в красно-синих очках на Новом Арбате.

Радим Силантьевич надумал взять в кредит тысячу рублей. И на таблетки хватит, и на пиво останется. Стандартная русская женщина Надежда розовощёко улыбалась и всячески способствовала деловой атмосфере. Авокадиков красочно расписал старику перспективы, и убедил того не мелочиться и брать тридцатку. Сам Птерька при этом аж вспотел: ух, как завела его надежда ощутить стандарт в собственных руках. Страсть как хотелось ему просочиться за вертялый стул и обоять девицу с русой косой сзади!

Пожевал Радим Силантьевич желваками по углам квадратной челюсти своей и заказал в кредит аж двадцать пять тыщ! У самого от наглости такой взъёкнуло в солнечном сплетении или где-то рядом. Качнулась деревянная столешница. В ушах запилили скрипочки. Догадался Радим Силантьевич, что подпрыгнуло давление. Но как-то не так, как бывало раньше. А весело, с молодецкой удалью и ухарством!

По ту сторону приветливого банковского стекла улыбался во всю ширь собачьей морды дружбан Рыжелье.

– Ну что, пошли сперва купим таблетки? – Радим Силантьевич вовсе не утратил силу разума своего, не смотря на введённые перорально двести пятьдесят грамм отборной дезинфекции.

Простая и мудрая мысль сия вогнала Птерю Авокадикова в сущее уныние.

– Старик... Ну, погоди ты со своими скучными таблетками. Никуда оне от тебя не денутся. Аптека до восьми. И до неё полквартала. Стекляшка же вот она: соседняя дверь. И там, ты только вообрази, нас ждёт надутый баклажан пивка! Когда ты крайний раз вкушал пиво? Поди, в прошлом веке? Можешь не вспоминать... – крутнул зенками Авокадиков, прошёлся по портфолио Радима Силантича, не понравилось ему в этот раз: – Ну что ты навалился на костыли свои, как глиняная свистуля? Расправь грудь, раззуди плечи, ты же Аполлон Зевсович... Э-эх, мать твою, забыл фамилию...

– Порожшков...

– Чё? Да не твою... Бога хреческого... В пятом классе проходили.

Делать нечего, приняли пивка. Радим Силантич ворчал лишь для проформы. Душа его отогревалась после многолетнего стариковского анабиоза. Адреналин, словно дефибриллятор, методично запускал утраченный жизненный драйв.

Засим оформили и второй баклажанчик. На этот раз пив-

ка нефильТРованного. У Птерьки губа не дура: изыски ему подавай, всякий смак.

– Не могу, – говорит, – всё время по одним и тем же вкусовым рецепторам вдаривать, тонкая система моего жизнеобеспечения разнообразия требует.

Замахнулись на третий баклажан: портер.

– Ща, погоди, давай Криську вызвоним. Такси ей оплатим. Йеп! Такая краля! Прима! Тебе, старику, и не снилась. Как у тебя с этим делом? Не очень? Ну, хоть пообнимаешься с красивой женщиной. Выслушает тебя, душу заблудшую, приголубит, пока я ея обработаю.

Вернулся Птеря в стекляшку с деньгами Радима Силантьевича. Распорядился теми по-хозяйски: затарил пять баклажанов пива, водочки, бутылъ шампанского «Асти» и пачку контрафактного «Вог» с ментолом для Криськи, презервативы «Дюрекс» и коробку зефира с собачьим именем «Шармэль».

Потащил инвалида через дорогу напротив, на стоянку частников. Кто ж не знает Авокадикова и его способностей втираться своим в доску ко всем и к каждому? Угрюмый частник на «Волге» бесплатно доставил «мальчиков» с джентльменским набором, включая деревянные костыли, к старому вагончику путевого обходчика на окраине станции Путяйск-Маркирочный. Бывшая штаб-квартира Радима Силантьевича, между прочим, где до сих пор хранилась его ухватистая кувалда. А за бричкой, старательно объ-

езжающей ухабы и колдобины, преданно семенил отнюдь не брошенный дружками Рыжелье.

Опёрся Радим Силантич плечами покрепче о костыли, привалился попой к стене для пушей устойчивости, схватился заскорюзлыми ладонями за шею любимого рабочего инструмента. Да токо ж ничего с того не вышло. Только кишки проветрил. И сломанный позвонок прострелило.

Птеря свернул шею баклажану, выпустил пивного джина, разлил что осталось по чашкам с отбитыми ручками. Вкусили варварского напитка наши «мальчики» и растеклись по подушкам от старого дивана, который сам по себе давно был разобран на щепки и спалён в буржуйке, здесь же, в этом самом вагончике.

Объявилась Криська. В искусственной шубке поверх платья цвета ночного бордо. Выставила коленку в длинный разрез. Замерла поверх поверженных пивом с водкой кавалеров. Уставился окосевший Радим Силантич на монумент: «нога и копыта». То есть лабутены, как кличут их люди просвещённые. Башмаки алые, словно пионерский галстук, ради которого юный Радик раскалял по утрам дровяной утюг, а потом весь день с достоинством носил шёлковую алость на шее.

«Эх, где мои двенадцать лет?» – пропустил слезу Радим Силантич. Криська приняла слабость старика на свой счёт, обвила Радима Силантича стяжательными ручонками, склонила башку свою непутёвую на его всё ещё сильное плечо

потомственного путейца.

Шуршит подолом чужого платья Птеря Авокадиков. Торопится. Осаживает его Криська. Смахивает большим пальцем слезу со щеки старика. Понравился он ей. Тихий, скромный, а торс мощный, статный, как у Геракла. Витринный образец! Не то что Птерька – глиста в джинсовом скафандере. Как сощуришься, солнце закатное сквозь него так и высвечивается наружу. Суетится там, хочет чего-то, с настрою лирического сбивает. Отмахивается Криська, а Птерёк всё одно, настойчив как автомат Калашникова со своим горячим стволом.

Обнял Радим Силантич Криську за плечи. Вдыхает эманации её «Кензо». Млеет. Нашупал губами мочку уха с сережкой. Нежно так, скромно дотронулся языком, то полизует, то покусывает. Тут уж млеет Криська. Такого никто с ней раньше не проделывал. Замерла девушка, растаяла в стариковских объятиях. Уловил Авокадиков перемену в Криськином состоянии. Она более не сопротивлялась, и Птеря кощунственно сотворил долгожданное сладеяние.

– Иначе как-то всё... – неуверенно начала Криська, когда разнялись. – Непутёвый какой-то у нас выходит путевой вагончик.

– А что не так? – обидно самодовольному Птере, а сам всё наваливается на деку поверженной дамы. Но камертон из него более никакой, так как отчётливо запыхался.

– Отодвинься! Ты тут уже мне размешался весь. Продыху

от тебя нету. Все рёбра заплющил, прохвост.

– Не гони, прима! А то мне плохо будет.

– Тебе плохо не бывает. Тебе, Птерёк, всегда либо хорошо, либо очень хорошо.

Ввалился в вагончик учётчик Никодим. Думал горбун чайку хряпнуть, а тут, понимаешь, пивко! И компания тёпленькая, во главе с ветераном железнодорожной отрасли, чей портрет в простеночке перед кабинетом начальства вывешен на всеобщее обозрение вместе с иными портретами ударников. Да не барабанщиков, а ударников производства: была такая категория уважаемых людей во времена почившей высокоразвитой цивилизации.

– А шо ж вы сегодня завалились сюда? – удивился Никодим. – Вчера ж надо было!

– А что такого? – протянула голоском лисоньки Криська и сладко потянулась.

– Так ведь днюха у меня была! А теперича во рту Каракумы, а внутри словно стиральная Маша барабан свой бесовский вертит, широко употреблённые вчера калории никак в дерьмо переработать не может.

Ворчит Никодим, а сам на баклажан косится. Тот тоже не промах: рисуется весь такой на столе и строит горбуну глазки.

Переглянулись Птерька с Криськой. Запели нечто, отретированное по случаю ещё в ранней юности:

– Тили-тили.

– Трали-вали.

– Пролетели.

– Прозевали.

– Тарам!

– Пам?

– Пам!

Хряпнул Никодим пивка и подобрел.

– Дни рождения есть зло, – делится наболевшим учёточик, – накорми, напои, сам нажрись, упейся, и всё чего ради?

– Как чего ради? – смекнула Криська. – Чтобы в следующий раз уже кто-то другой кормил и поил, когда его день обплетень случится.

– Круговорот деньрожденческий, – развивает идею Птерёк, – займем друзей с именинами на каждую дату и живи по кругу. Накормят и напоят. А ежели повезёт найти того, кто в твой персональный день родился – так ещё и смимикрировать можно, чтобы самому не подставляться.

– Ну да... – напрягся Никодим. – Только общественность рано или поздно спросит с члена коллектива: а что это мы по вашу душу, уважаемый Пётр Евстигнеевич, ни разу не пьянздвовали?

– А он двадцать девятого февраля родился, наш Пётр Евстигнеевич! – зажглась Криська. – Не каждый год такое случается.

– Ну, повезло чуваку, что тут скажешь, – пожал плечами Никодим и свернул шею второму баклажану.

– Только не двадцать девятого, а тридцатого, – поправил подружку Птеря, – в тот год коррекцию хода времени производили. Добавили одну треть секунды. Так получилось, что после двадцать девятого февраля проскочило наикратчайшее тридцатое, вот я в тот момент как раз и родился.

– Выдумщик! – фыркнула Криська. – Кстати, кавалерия, а где моё шампанское? Почему дама до сих пор трезва?

Спохватился Авокадилов, шибанул пробкой в потолок, наполнил подставленный Никодимом кубок. Насладились Криська сладким шипучим вином, полетели вертолёт в её безалаберной головке. Зажевала прима зефирину «Шармэль» и перебила праздно болтающую о том о сём кавалерию свою:

– Зло, как оно есть – вовсе не дни рождения.

Осеклись мужчины. Смотрят с покорностью на Криську, ждут развязки.

– Зло – это книги. Полезла на антресоли за старым утюгом, так как новый сгорел. А ведь лезу и думаю: самый раз сейчас утюгом по башке получить, и вообще уже никогда никуда не ездить. И ведь получила! Только не утюгом, а книгой. Большой и увесистый советский энциклопедический словарь. Да! Прямо так и называется. Не спорьте! Звёзды как надо из глаз брызнули. Стою на табуретке вся в клубах пыли и тихо офигеваю.

– Нет, Криська, неправда твоя. Вот и Радим Силантич подтвердит: самое зло, как оно есть – это аптеки! Если б не

злая аптека, сидел бы щас Силантич в тепле, на кухне с супружницей своей Бестиановной, и почки б у него не болели. Но старик наш – герой! Борется со злом с самого утра! С тех пор как не смог противопоставить конскому ценнику свою единственную карманную банкноту, коя номиналом не вышла. И как поймал кураж – его не остановить теперь никакой железнодорожной автоматикой. Стрелки переводить бесполезно. Семафоры бессильны. Силантич, как локомотив: прёт на острие, добирает ускользящие от него краски жизни в наше сугубо сероидное время. А теперь скажите мне, дорогие мои, что же есть самое достойное в его примерном поведении?

– И что же? – приподнял седую бровь учётчик.

– То, что он ни на минуту не забывает о своих друзьях. Верно, Силантич?

Чокнулись чашками с отбитыми ручками Птеря и Никодим, потянулась к ним и Криськина ручонка с единственным в путевом вагончике кубком. Шампанское благородно искрилось в лучах одинокой лампочки, свисающей на чёрном проводе с фанерного потолка.

– Чокнитесь и вы с нами, а Радим Силантич! – умеет Криська уговаривать. Играет бровками вокруг ярко-накрашенных глазниц. – За ваше здоровье!

А Радим Силантич более ничего не пил. Он стёк с подушек куда-то вбок. Сиял широко распахнутыми глазами. Ему было криво, тепло, пьяно и дружно. Так хорошо, как давно

уже не было, и вряд ли когда-нибудь ещё будет. У сложенных стопочкой стариковских ног вилялся со своим хвостом преданный беспородный пёс Рыжелье.

– Здоровьишко наше, – отозвался на призыв дамы тактичный Радим Силантич, – а в горлышко ваше!..

Затевались новые беседы. Горбун рассказал, что вовсе никакой он не Балабанов, как записано в отделе кадров. Барабанов он. Но дед родной пацанёнком «р» не выговаривал, а фамилию беспризорные власти записали с его слов. Криська помечтала, что скоро в связи с глобальным потеплением у них будут расти мандарины. На что Птерья парировал, что политики – дурачье, и в глобальных процессах ничё не смыслят, ведь на самом деле грядёт глобальное утепление: утепляться будем все, и утеплять придётся буквально всё: обувь и шапки, колодцы и маршрутки, стены пятиэтажек и трубы тепломагистралей.

Но бухой Радим Силантич в этих беседах участия не принимал. Уж так ему сделалось хорошо, что старик задремал. Снилось ему какая-то требуха. Потом вроде прибыли сумерки, а за ними и вечер приплёлся. Навалился на квадратное окошко вагончика, застил отблесь закатную. Сам смурной, рыхлый, а спинушка его широченная тянется от края до края – с северо-запада до юго-востока.

Это уж Радим Силантич потом заметил, когда из вагончика на воньздух выбрался подышать. Птерька с Криськой тоже рядом вертелись. Окосевшая от шампусика Криська

смолила «Вог» с ментолом. Хоть какая-то нотка в воньздухе была с веселинкой.

– Куда ж ты, старик, собрался? – тянет Силантича за бушлат Птеря Авокадиков. – Погоди, ща мы все соберёмся, да мотор закажем.

Но Птерёк и сам бухой, ему бы за углом вывернуться, выговориться, прощения у мамыши покойной попросить, что жизнь непутёвую ведёт. Да перед прямой неудобно. Глодается сам с собой, с воньздухом, с ноткой ментола в нём. На старика Авокадикову на самом деле фиолетово, не по злобе душевной, а так, в состоянии надлома утратив присущий ему личностный комфорт, в поисках собственного пятого угла.

Ничего не ответил Радим Силантич, да и не слышал он, что там Птерька такое бормочет. Заковылял на своих костыликах прочь. То ли направо, то ли налево, да только мысль Радима Силантича была настолько кристально ясна, насколько же и очи его не различали ничего вокруг. Верный друг Рыжелье неслышно семенил рядом.

Проделал Радим Силантич на костылях своих штук двести одинаковых шагов вдоль вагонов с сероводородом, да споткнулся на двести первом. Лихо споткнулся, впечатался лбом в самую гущу багряного острого гравия. Да так впечатался, что пробил его к чёрту, этот гравий. Куда-то отфутболилась ондатровая шапка. А голова Радима Силантича оказалась будто бы внутри насыпи, и словно всю свою любимую чугунку ветеран-путеец разглядел с исподней точки.

И так ему всё развиднелось в мире этом, и так все заколдобистости в сознании его попритёрлись... Жизнь показала Радиму Силантичу простой, как рабочая песня, которая и строить, и жить помогает, и любимую встретить и золотую свадьбу сыграть. Раскрылся человеку полным цветом замысел верховного, и так остро ему захотелось этому замыслу соответствовать, что ощутил Радим Силантич любовь к жизни искусно воплощённую в нём, а теперь к тому же и всеми фибрами усиленную.

Верный Рыжелье притащил в зубах ондатровую шапку. Вертится теперь вокруг поверженного Радима Силантича, скулит, мотыляет куцым хвостом, вылизывает окровавленный лоб. Поминутно оборачивается в темноту, тянет носом воздух, словно высматривает, вынюхивает прохожего, который разделит с озадаченным псом нежданное наваждение.

Впервые в жизни Радим Силантьевич Порожшков сочинил стихи. В них не содержалось ни единого существительного, ни одного местоимения или прилагательного. Локомотивом его стихотворения явились глаголы, которые и отразили только что осознанный факт, что жизнь – это процесс. На шесть строчек в этих стихах использовались всего десять слов, и автору чудилось, что так он зашифровал родной десятичный мир, объединяющий путь света от божьих заповедей до таблицы умножения, а также куда-то дальше и выше... В непознанную даль, которую для него всегда олицетворял губернский град Северобакланск.

Если можно лежать, зачем сидеть?
Если можно сидеть, зачем стоять?
Если можно стоять, зачем идти?
Если можно идти, зачем бежать?
Если можно бежать, зачем ползти?
Если можно ползти, зачем умирать?

Радим Силантьевич ощутил щекой, как от щебня железнодорожной насыпи пошло тепло земли. Он разогнул скрюченные пальцы и погладил эти острые потемневшие камни, отозвавшиеся в нём ностальгией по былым годам трудовых побед. Приподнялся на руках Радим Силантьевич, хрустнул сломанным поясничным позвонком и осмотрелся. Приметил ослабленную гайку на сочленении стальных рельсов, не скрылась от него и шляпа костыля, излишне вольно торчащая высоко над просмолённой шпалой.

Даже не попытавшись, а попросту поднялся Радим Силантьевич на ноги, словно в этом не было ничего необычайного, расправил плечи и пошёл по насыпи вдоль бесконечного состава из жёлтых цистерн. Он не знал, где его костыли, и то, что они были ему больше не нужны, он воспринял естественно и даже с затаённой радостью, словно давно ждал этот момент, и знал, какого ему будет, когда тот, наконец, наступит. Отсутствовали очки, но и это не мешало ему всё вокруг сечь и подмечать. Предстояло добрести до

тупика с испустившим дух тепловозом, спуститься с насыпи, пересечь побитый жизнью дворик, уже который год захла- лённый пустыми катушками из-под толстого промышленно- го кабеля, которым разводили по перестраиваемой станции Путяйск железнодорожную автоматику. Наконец, предстоя- ло впорхнуть в подъезд, где на пятом этаже в уютной одно- комнатной квартире ждала преданная супруга, Ада Бесте- мянновна, его любимая А. Б.

Однако путь оказался неблизким. Радим Силантьевич не ощущал ни толики усталости. Голова была легка, сознание ясное, и даже как-то особенно заострено на мелких деталях. Не смотря на, по его мнению, девять часов вечера, в миру затевался рассвет, один из самых красивейших, которые он когда либо наблюдал. Заискрили под ногами камни, запля- сали одалиски на одутловатых жёлтых боках железнодорож- ных вагонов. Отступил мрак, обнажив контуры зелёной тра- вы и желть луговых цветов, среди которых резвился моло- дой абрикосовый щен, которого позже назовут Рыжелье. В глаза Радиму Силантьевичу ударил сноп ослепительно яр- кого света. Сначала он решил, что по второму главному пу- ти навстречу ему следует ночной почтово-багажный. Но шу- ма приближающегося поезда Радим Силантьевич не слышал, хоть и не находил в том ничего необычного.

Свет дышал влажными эманациями, вился и клубился над шпалами, а Радим Силантьевич вышагивал по ним, сокра- щая естественную длину шагов, чтобы не попасть в меж-

душпалье. Его путь отошёл правее. Цепочка цистерн сгинула в контрастном мраке слева. Воздух был свеж, тёпл и пах морем. Не этим отравленным, а как в детстве, когда в море водилась в избытке рыба.

Но вот уже и путь как-то сам собой сгладился. Под ногами нет ни шпал, ни щебня. Упругая белесоватая бесконечная перина. И едва заметный подъём. «Постойте, но ведь у нас нет ни гор, ни холмов», – подумалось Радиму Силантьевичу, и он всей душой отдался этому необычному сну, сместившему привычные реперные точки обструганного сирой жизнью сознания.

Смекнул Радим Силантич, взмахнул руками и оторвался от перины. Взмыл в туннеле света и полетел навстречу тепловозному прожектору, туда, откуда шло мощное галогеновое тепло.

Седовласый дед с бездонными добрыми глазами подал ему десницу и усадил к себе на широкие колени, а помолодевший и постройневший Радик пригрелся в его лучах и благодарно вкушал лавандовые ароматы, исходящие от ослепительно белых хлопковых одежд.

А посреди бесконечного поля подсолнухов ему махали молодые мама и папа.

Декабрь 2023, Сивково